

3. *Клеменц, Д.А.* Местные музеи и их значение в провинциальной жизни / *Д.А. Клеменц* // Сибир. вестн. – 1893. – Вып.2. – С. 15.
4. *Кастрен, М.А.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) / *М.А. Кастрен* // Магазин землеведения и путешествий. – М., 1860. – Т. VI. – Ч. 2. – С. 352; 364; 365; 413; 414.
5. Там же.
6. Там же. – С. 352; 364.
7. Путеводитель по Музею антропологии и этнографии. – СПб., 1904. – С. 48–51.
8. ЛОА РАН.-Ф.142.-Оп.1 (до 1918).-Д.45.-Л.8.
9. Там же. – Л.11.
10. Там же. – Л.8,8 (об.).
11. МАЭ. Описи коллекций № 534; 556.
12. *Анучин, В.И.* Очерк шаманства у Енисейских остяков / *В.И. Анучин* // СМАЭ. – СПб., 1914. – Т. 11. – Вып.2. – С. 32–89.
13. Там же. – С.1.
14. *Васильев, В.Н.* Краткий очерк инородцев Туруханского края / *В.Н. Васильев* // Ежегодник Русского антропологического общества. – СПб., 1908. – Т.2. – С. 56–87.
15. МАЭ. Опись коллекции 1004 (№22 А-Е).
16. МАЭ. Описи коллекций № 534; 1053; 1089.
17. *Ядринцев, Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение / *Н.М. Ядринцев*. – СПб., 1891. – С. 89.
18. ЛОА РАН.-Ф.142.-Оп.1 (до 1918).Д.-45.-Л.10.
19. Там же. – Д.53. – Л.38.
20. Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. – СПб., 1912.



УДК 947.084

*К.Н. Морозов*

### **САМАРСКИЙ КОМУЧ КАК «ТРЕТИЙ ПУТЬ» В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ЗЕРКАЛЕ ПОКАЗАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ 1922 г.\***

*Тема, заявленная в статье, в исторической науке практически не изучена. Автор рассмотрены вопросы выбора путей развития страны Советов, отношения разных политических партий и населения.*

Проходивший с 8 июня по 7 августа 1922 г. в Колонном зале Дома Союзов в Москве судебный процесс социалистов-революционеров стал первым советским крупномасштабным показательным политическим процессом<sup>1</sup>, опыт которого широко использовался в последующей практике организации аналогичных акций.

\* Актуальность темы достаточно очевидна в силу слабой исследованности того "третьего пути", который пытались реализовать социалисты в качестве альтернативы государственному строительству и практике "красного" и "белых" режимов. Не менее очевидна актуальность опыта государственного строительства и социально-экономической политики Самарского Комуча, пытавшегося как защищать национальные интересы России, так и отстаивать классовые интересы крестьянства, рабочих, интеллигенции. Очень важно, что даже в условиях гражданской войны эсеры стремились к максимальной демократии в деятельности органов Самарского Комуча и к соблюдению политических свобод и прав.

<sup>1</sup> См.: *Свирская, М.Л.* Из воспоминаний // Минувшее. – М., 1992. Вып. 7.; *Jansen, M.* The Trial of the Socialist Revolutionaries. – Moscow, 1922. Martinus Nijhoff Publishers, 1982; *Янсен, М.* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. – М., 1993; *Янсен, М. Е.М. Тимофеев* и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. // Минувшее. – М., 1992. – Вып. 7. – С. 193–214; *Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. / ред.-сост. М. Янсен.* – Амстердам, 1989; *Дмитрий Дмитриевич Донской / сост. Я.А. Яковлева.* – Томск, 2000; *Литвин, А.Л.* Азеф второй // Родина. – 1999. – № 9. – С. 80–84; *Журавлев, С.В.* Человек революционной эпохи: Судьба эсера-террориста Г.И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. – 2000. – № 3. – С. 87–105; *Морозов, К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. – М., 2005; *Сын «вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» судебного процесса*

Председательствовал на суде рекомендованный Политбюро член ЦК РКП(б) Г.Л. Пятаков, имевший за плечами 3 курса юрфака. Членами суда являлись А.В. Галкин и О.Я. Карклин, а Н.М. Немцов и Ф.И. Озол были заместителями. Обвинение поддерживали Н.В. Крыленко, А.В. Луначарский и М.Н. Покровский. Впервые в российской практике на процесс было выведено две группы подсудимых. 1-я группа «нераскаявшихся» эсеров состояла из 22-х человек, главным образом, членов ЦК ПСР, а 2-я («рenegаты») включала в себя десять обвиняемых из бывших эсеров, большинство которых к 1922 г. уже вступило в РКП(б) и призвано было сыграть свою роль в «разоблачении» «преступлений» ПСР.

Уже сама логика противостояния на процессе двух партий – коммунистической, судящей, и эсеровской, судимой, не могла не сделать красной нитью всего процесса постоянное, прямое или косвенное, сравнение этих двух партий. Это сравнение превращалось в острейшую политическую полемику по вопросам о том, кто повинен в развязывании и эскалации гражданской войны, какая из противостоящих друг другу партий есть предатель революции и Родины, а кто ее верный сын и т.п.

Полемика вокруг Комуча интересна, прежде всего, тем, что речь в ней шла о вполне конкретных вещах – практической деятельности правительства, созданного эсерами в Самаре в июне 1918 г. В этом споре у обеих противостоявших – теперь уже в зале суда – партий появлялась возможность использовать старую мудрость: «Суди не по словам их, а по делам их». Но большевики не могли позволить себе честной дуэли по ряду проигрышных для себя тем, т.к. полемика сплошь и рядом логично выходила на сравнительный анализ противостоявших друг другу режимов – эсеровского и коммунистического. И поэтому большевики установили особые правила как полемики, так и рассмотрения всей этой темы в целом. Во-первых, они пресекали попытки эсеров рассказывать о социальной и экономической политике эсеровского правительства словами «Вас в этом не обвиняют», а сами стремились говорить только о темах, выгодных себе. Во-вторых, эсеров все время обрывали, когда они начинали сравнивать деятельность самарского правительства с большевистским режимом и его практикой словами «Судят не РКП, а ПСР».

Полемика вокруг обстоятельств создания, характера и практики Комуча развернулась на процессе 22 июня 1922 г., когда суд приступил к допросу свидетелей обвинения и защиты, которые осветили период Самарского Комуча, – управляющего делами Комуча Я.С. Дворжеца (свидетеля обвинения), председателя Совета Управляющих ведомств Комуча и Экономического Совета В.Н. Филипповского (свидетеля защиты), члена ведомства труда, бывшего меньшевика, затем коммуниста И.М. Майского (свидетеля обвинения).

Подоплека вопросов Крыленко и Пятакова, как и их цель, была достаточно прозрачной – объявить Комуч марионеткой в руках иностранных держав, чехов, реакционных российских кругов, пользовавшихся эсеровским правительством как ширмой для проведения своих планов и политики. Помимо этой цели была и другая – в очередной раз объявить о том, что умеренные социалисты – эсеры и меньшевики, несмотря на свою социалистическую фразеологию и свою субъективную веру в приверженность к социалистическим ценностям, просто обречены, в отличие от решительных и бескомпромиссных коммунистов, становиться марионетками в чужих (реакционных или иностранных) руках.

Майский, к этому моменту уже пришедший к коммунистам, всячески поддерживал данную версию как в своей книге «Демократическая контрреволюция», так и в своих показаниях на процессе<sup>1</sup>. Вывод Майского вполне укладывался в концепцию обвинительного заключения и того, что от него хотели услышать Крыленко и Пятаков: «...комитет Членов Учредительного Собрания в сущности является лишь демократической этикеткой той военной силы, которая в то время господствовала и вершила всеми судьбами на территории Учредительного Собрания, потому что Комитет Членов Учредительного Собрания на особые широкие симпатии со стороны масс не мог рассчитывать и этими симпатиями похвалиться не мог»<sup>2</sup>. Майский делал вывод, что у Комуча не было никакой серьезной общественной поддержки и опоры, что привело к тому, что военные вышли из-под контроля и фактически диктовали правительству свою политику<sup>3</sup>.

На вопрос Крыленко об удельном весе в Народной армии чехословаков, добровольцев и чисто эсеровских военных элементов другой свидетель обвинения, бывший эсер Дворжец, показал, что Народная армия была весьма неоднородна, имея в своем составе части добровольцев, отличавшиеся большой боеспособностью, состоявшие в основном из самарской интеллигенции и офицеров. Также по инициативе чехословаков и при поддержке Комуча стали формироваться смешанные полки из русских и чехов, в которых

---

социалистов-революционеров. 1922 г.: сб. док. и мат-лов из личного архива В.Н. Рихтера / сост. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова, Т.А. Семенова (Рихтер). – М., 2005.

<sup>1</sup> ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 653.

<sup>2</sup> Там же. – Л. 655–656.

<sup>3</sup> Там же. – Л. 656–658.

русских добровольцев возглавляли чехословаки (как известно, среди них было очень много социалистов), что вполне устраивало эсеровское правительство, но встретило саботаж со стороны генералов и офицеров штаба Народной армии, в массе своей придерживавшихся более правых взглядов. Дворжец считал, что если бы не саботаж штаба и не прекращение формирования этих частей, эти смешанные части были бы самыми боеспособными в Народной армии<sup>1</sup>.

Дворжец показал, что до вступления в Самару чехословаков рабочие Самары и Иващенко (ныне Чапаевск), самых крупных промышленных центров губернии стремились к свержению большевиков и поддерживали партийные эсеровские комитеты<sup>2</sup>. Крестьянство, по его словам, слало своих ходоков в партийные эсеровские комитеты, объявляя ПСР спасителем от большевистского гнета и обещая всяческую поддержку и помощь в свержении большевистской Советской власти. Но после свержения большевиков и особенно после объявления мобилизации в Народную армию, по словам Дворжеца, началось противодействие со стороны крестьянства<sup>3</sup>.

На вопрос Покровского об отношении буржуазии к Комучу Дворжец ответил, что она в лице кадетов поддерживала его по известному принципу «постольку-постольку»: с одной стороны, буржуазия вошла, как он выразился, в организацию финансового характера при правительстве, и был создан финансовый Совет из представителей самарской буржуазии, поддерживавшей Комуч деньгами, т.к. в банке после правления большевиков наличности не было совсем; с другой же стороны, кадеты в своей прессе вели упорную борьбу с эсеровским правительством, не останавливаясь даже перед личными выпадами в адрес отдельных руководителей Комуча, и на заседании правительства даже ставился вопрос о закрытии кадетского партийного органа в Самаре, но большинство посчитало подобное недопустимым<sup>4</sup>.

Ответы Дворжеца и Майского немедленно стали объектом споров противостоящих сторон. Игра обеих сторон была предельно ясной. Власть в лице обвинения и суда была заинтересована не затрагивать то хорошее, полезное и интересное, что было сделано эсерами в сфере социально-экономических отношений и что выглядело резким диссонансом к проводимому большевиками военному коммунизму. Кроме того, как небезосновательно указывал Раков, Комуч проводил политику в экономике, весьма схожую с НЭПом, что рождало аналогии и мысли, весьма неприятные для коммунистов. Суд был готов касаться вопросов социально-экономической политики Комуча, но акцентировал свое внимание не на успехах («Вас в этом не обвиняют»), а на неудачах, конфликтах и скандалах. Совершенно очевидно, что задачей обвинения и суда была не реконструкция реалий (очень показательна реплика Крыленко об «исторической исследовательской комиссии»), а выявление и выпячивание неудач и ошибок.

Совершенно очевидно также, что прекрасно все это понимавшие эсеры пытались не допустить этого, и, напротив, старались всячески подчеркнуть успехи Комуча в деле политических свобод и социально-экономического развития. Поэтому неудивительно, что Филипповский, проигнорировав указания Крыленко и Пятакова, все равно начал с социально-экономической ситуации и мероприятий Комуча в этом направлении и был быстро прерван Пятаковым<sup>5</sup>.

Раков же на заданный вопрос Пятакова: «Объясните, если были такие хорошие отношения с трудящимися массами, то почему вас так легко разогнали?» ответил, что «...это требует подробного объяснения» и вернулся к основной теме своего выступления: «...Мы не были сторонниками огульной национализации всех промышленных предприятий. Мы считали и считаем такую огульную национализацию промышленности актом, губящим саму промышленность. Наша политика в области промышленно-хозяйственной жизни на территории Комитета членов Учредительного Собрания сводилась к следующему: крупные фабрично-заводские предприятия оставались в ведении государства, более мелкие производства или производства, в которых государственная власть в данный момент не так остро была заинтересована, передавались органам местного самоуправления. В тех немногих протоколах заседаний Комитета членов Учредительного Собрания, которые приложены к делу, вы найдете, что некоторые промышленные предприятия, национализированные еще Советской властью, передавались не прежним владельцам, а органам местного самоуправления, губернским, уездным земствам и городским самоуправлениям. Мелкие промышленные предприятия, которыми не в силах была управлять государственная власть, мы действительно отдавали прежним владельцам, но с одним условием – определенной нормой выработки этих предприятий, запрещением локаута

<sup>1</sup> Там же. – Л. 472–474.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. – Л. 477.

<sup>4</sup> Там же. – Л. 477–478.

<sup>5</sup> Там же. Т. 28. – Л. 588–589.

и неуклонным соблюдением тех законов по рабочему вопросу, которые считал необходимым проводить Комитет членов Учредительного Собрания... Я здесь напоминаю, что, может быть, эта программа до некоторой степени напоминает ту экономическую политику, которую в данный момент проводит Советская власть"<sup>1</sup>.

Пятаков не стал втягиваться в весьма щекотливый для коммунистов вопрос о схожести экономической политики Комуча и большевистского НЭПа, поневоле введенного вместо губительной для страны политики "военного коммунизма", предпочтя акцентировать внимание на том, что экономическая политика Комуча проводилась в интересах буржуазии. На это Раков ответил: «...Я говорю, что вся та политика, которая проводилась Комитетом членов Учредительного Собрания, вряд ли чем-то отличалась от той политики, которую сейчас проводит Советская власть, ибо она свою прежнюю политику назвала ошибкой. И нельзя нам ставить в вину то, что вы сейчас сами признали ошибочным... Изображать партию социалистов-революционеров, как партию, которая охраняет интересы помещиков, это, по меньшей мере, действительно является тем, что я назвал хватить через край. Комитет членов Учредительного Собрания, прежде всего, объявил законом те 10 пунктов, которые были приняты на однодневном заседании Учредительного Собрания...»<sup>2</sup>.

Пятаков предпочел вернуться к благодатной теме возврата эсеровским правительством земли помещикам. Он процитировал протокол заседания Комитета членов Учредительного Собрания от 16 июля, в котором, в частности, говорилось о том, что «...право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 г. на 1918 г. в нетрудовых хозяйствах, принадлежит каждому отдельному нетрудовому посевику, но под контролем и при содействии уездного земельного комитета», намекая на то, что «нетрудовые посевики» это и есть помещики. Ракову пришлось терпеливо объяснять, что «нетрудовые посевики тут могут быть опытно-показательные станции, семенные поля, кооперативные учреждения, которые могли иметь свои посевы», а помещики не могут подходить под этот термин, ибо «еще в августе месяце 1918 года постановлением Совета рабочих и крестьянских депутатов эти помещичьи земли были отобраны явочным порядком».

Для освещения социально-экономических реалий и деятельности своего правительства Раков и Гендельман воспользовались своим правом задавать вопросы свидетелям. Другая часть их вопросов затрагивала свободу слова, положение заключенных, роль Майского в качестве министра труда и т.д., фактически дезавуируя все то, что говорил Дворжец и особенно Майский, а также обвинение в целом. В силу этого, диалог Ракова (задававшего вопросы) и Филипповского (отвечавшего на них и боявшегося давать развернутые ответы, так как его бы просто остановил Пятаков), временами выглядел весьма своеобразно<sup>3</sup>.

Полемика состоялась и по другим узловым моментам обвинения. Раков, когда наступило время давать объяснения, сосредоточился на опровержении главного тезиса обвинения, что Комуч возник и держался исключительно на чехословацких штыках (обвинение старательно обходило вопрос о том, что большевистская власть своей политикой возбудила уже к лету 1918 г. серьезное недовольство и сопротивление поволжских крестьян, уральских рабочих и уральского казачества): «Что из себя представлял Самарский, Волжский фронт? ...Крестьянство и рабочие массы после полугодового господства Советской власти отчетливо уяснили себе, что Советская власть не есть власть Советов крестьянских и рабочих депутатов, а что это есть власть коммунистической партии и она своей политикой являет прямую угрозу тем классовым устремлениям крестьянства, которые до сих пор сильно революционизировали деревню. Вот где истинная причина этих крестьянских восстаний, вот где истинная причина той крови, которая была там пролита еще до создания Волжского фронта. Тов. Тимофеев здесь упоминал, что восстание чехословаков для нас явилось неожиданным, что базисом создания Волжского фронта явилось для нас это движение крестьянских и рабочих масс, что чехословацкое движение, оно вклинилось в наш план, оно повернуло наш план, который созрел к 8-му Совету партии как план вооруженной борьбы с Советской властью за восстановление демократии. И не чехословацкое движение, а это широкое, низовое массовое народное движение – вот те причины, вот те обстоятельства, создавшие Волжский фронт. Нам здесь допросом других свидетелей вменялось в вину, что этот Самарский фронт был создан нами в союзе с агентами союзников, чехословацкой армией. О том, что представляла из себя чехословацкая армия, чехословацкие легионы, красноречивее всего говорил свидетель Шмераль. Это было демократическое войско, во главе которого стоял социалистический национальный Совет в России, так что это не белогвардейская, не офицерская армия, а это была армия рабочих и крестьян, настроенная социалистически»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. – Л. 82.

<sup>2</sup> Там же. – Л. 83–84.

<sup>3</sup> Там же. – Л. 609–611.

<sup>4</sup> Там же. – Л. 64–66.

Допрашивая Майского, Раков практически заставил его вспомнить о двух добровольческих полках из саратовских крестьян, отряде рабочих-железнодорожников, дравшихся с Красной Армией под Сызранью, башкирских и калмыцких полках и признать рабочий характер двух полков, состоявших из ижевских и воткинских рабочих, а также добровольцев из уральских крестьян. По ходу дела выяснилось, что для охраны правительственных учреждений в Самаре эсеры использовали добровольческий Николаевский крестьянский полк, а в Уфе правительственные здания охранял рабочий отряд под командованием рабочего-железнодорожника Шеломенко<sup>1</sup>.

Опровергая обвинения в ограничении демократических свобод и репрессиях против коммунистов, Раков справедливо заметил: «Единственный аргумент, который здесь приводился для этого и для доказательства того, что практически этого не было, заключался в том, что был орган интернационалистов – небольшой журнальчик, и он был закрыт»<sup>2</sup>.

Оспаривая утверждения об отсутствии свободы собраний на территории Комуча, Раков отмечал: «Свобода собраний у нас проводилась явочным порядком». На вопрос председателя о том, что существовали ли при Комуче легальные большевистские организации, Раков ответил отрицательно, но вновь добавил, что на собраниях «...выступали люди, которые проводили политику и тактику Советской власти», что «для Комитета членов Учредительного Собрания было вовсе не тайна и с ним вели идейную борьбу на этих собраниях, а не закрывали и не разгоняли этих собраний»<sup>3</sup>.

В высшей степени примечательна та разница в подходах к свободе слова, печати, собраний и организаций между эсерами и коммунистами, которая вскрылась в диалоге Гендельмана с Пятаковым и Крыленко: Гендельман подчеркивал, что «Если бы были большевистские органы, и если бы они занимались исключительно пропагандой своих идей..., то они преблагополучно существовали бы. Если бы существовала большевистская организация, которая хотела бы отстаивать большевистские идеи и сплачивать вокруг себя рабочие массы, которая хотела бы работать в профессиональных союзах, советах и так далее, которая вела бы борьбу за рабочие массы и их убеждения, то она благополучно бы существовала». Ее существование не могло быть допущено только в том случае, если она своей целью провозгласит восстание. Объясняя суть своей позиции, Гендельман пояснял, что если есть «пути для того, чтобы бороться за народную волю, за определение народной воли без навязывания диктатуры меньшинства поработанных трудовых масс, когда всякое восстание, преследующее целью подавление народной воли, не есть восстание народа, а есть восстание против народа, то оно должно быть подавлено во имя интересов народа, во имя интересов рабочего класса».

Продолжение речи Гендельмана вышло далеко за рамки вопроса о деятельности Комуча: «Мы вели против вас вооруженную борьбу и если мы ее прекратили, то не потому, что мы изменили свою оценку вас. Мы ее прекратили, потому что ... по существу борются две реакции справа и слева и вооруженное ниспровержение вас не могло бы быть учтено трудящимися массами в свою пользу. Но, если бы мы на минуту подумали, что вооруженное ниспровержение вас может быть учтено трудящимися массами в свою пользу, то граждане, какие угодно статьи применяйте, но я сейчас заявляю, мы эту вооруженную борьбу с вами начали бы... Мы вполне признаем и за вами право не допускать существование тех организаций, которые организуют против вас восстание, но в том случае, если вы этим организациям дадите пути и возможности быть легальными, легально борющимися партиями против вас. Если бы вы нам дали возможность среди рабочего класса пропагандировать наши идеи, дали возможность издавать наши газеты, проводить наших депутатов в Советы рабочих депутатов, то, конечно, граждане, мы никогда против вас вооруженной борьбы не вели бы.... Мы ограничились бы только идейной борьбой, сплочением масс вокруг наших лозунгов. Если вы считаете, что это признание вас как власти, то такое признание вам обеспечено. Те организации, которые на нашей территории преследовали бы задачу восстания, они не были бы допустимы и терпимы, потому, что у нас все свободы существовали. Бороться за волю народных масс, за волю рабочего класса и трудового крестьянства у большевиков была полная возможность, как у всех других партий, но вы предпочли бороться другими способами: отсюда вы посылали туда своих шпионов и тех, кто должен был вести там подрывную и всякую другую работу, вы действовали как воюющая с нами страна. Ваши организации там не пытались вести с нами идейную борьбу»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же. – Л. 76.

<sup>3</sup> Там же. – Л. 78.

<sup>4</sup> Там же. – Л. 93–106.

Все утверждения свидетелей обвинения о якобы недемократичности Комуча были опровергнуты Раковым: "...на какие силы опирался Комитет членов Учредительного Собрания в своей внутренней политике, не на фронте гражданской войны, а в своей внутренней политике. На судебном заседании было установлено свидетельскими показаниями, что все время существовал совершенно свободно Совет рабочих и крестьянских депутатов... Мы знали, что в Совете рабочих депутатов было левое крыло, большевистское крыло. На 500 чел. членов Совета рабочих депутатов все время до самого конца существовало большевистское крыло, стоявшее на платформе Советской власти, приблизительно в 150 чел. Они открыто там выступали, речи их печатались в местных газетах, никаких репрессивных мер ни к самому Совету рабочих депутатов, ни к тем сторонникам Советской власти, которые там все время были и выступали с критикой власти Комитета членов Учредительного Собрания, никаких репрессий не применялось. С ними тут же в Совете рабочих депутатов боролись за влияние рабочей массы в Самаре, мы боролись не штыками, а идейным порядком. ...Здесь свидетель Майский говорил, что теснились профессиональные союзы, не было никакой свободы собрания и рабочих организаций, потому что были случаи нападения на профсоюз. Но для подтверждения этого обвинения ... он ничего иного привести не мог, кроме того, что военная власть города где-то теснила квартиру профсоюза. Майский должен был бы подтвердить, что ... свобода организации рабочего класса в административном порядке ничем не стеснялась.... Свидетель Майский подтвердил другое – что в области рабочей политики как раз Комитет членов Учредительного Собрания сохранил те основные нормы, те основные законоположения, которые выдвинуты Советской властью, не только не отменил их, но подтвердил и неуклонно проводил в жизнь"<sup>1</sup>.

Подводя итог, отметим, что эсеровское правительство – Самарский Комуч – было создано в условиях гражданской войны и даже само его создание было ответом большевикам на захват власти и разгон Учредительного Собрания. Это крайне важно подчеркнуть, потому что, хотя правительство Комуча и решало широкий круг социально-экономических задач и хотело смотреть в будущее, но само его недолгое существование в условиях фронтового противостояния Красной армии, не позволило многим из его начинаний претвориться в жизнь, заставляя его сосредотачиваться на решении сугубо насущных задач – противостоянии большевикам, а потому многое осталось в потенции. Пожалуй, было бы правильнее смотреть на Комуч в контексте той главной стратегической линии ПСР в эти годы, о которой хорошо сказал член ЦК ПСР Е.М. Тимофеев: "Мы не отказались от своих задач, стоящих в нашей программе: они одни и те же в течение всей русской революции от октября до настоящего времени – это спасти все, что возможно, из завоеваний февральской революции. С каждым днем все меньше и меньше завоеваний можно было спасти, нам все больше приходилось суживать круг наших устремлений, но мы все возможное делали. И в целях обороны и защиты достояния февральской революции, которые формулируются нами в идее народовластия и прежде всего укрепления демократического режима в стране и закрепления земли за крестьянами и тех норм рабочего законодательства, которые превращали наших пролетариев из рабов в свободных граждан – эти завоевания мы пытались спасти всеми мерами"<sup>2</sup>.

На заданный Пятаковым Ракову вопрос о причинах падения Комуча ответил позже Гендельман: «Советская власть возникла, как власть создающаяся в процессе разложения демократических сил. Вы были исключительно продуктом распада и разложения общественных сил, сил трудовых. Ненависть, которую вы вызвали к себе вашими хлебными развертками, террором и полным подавлением и уничтожением всего того, что было завоевано Февральской революцией, – эта ненависть была настолько активной, что у трудовых масс хватило порыва для того, чтобы против вас восстать и для того, чтобы вас ниспровергнуть.... Если у пролетариата и у крестьянства хватило порыва энтузиазма для того, чтобы вас ниспровергнуть, то у них не хватило деятельного порыва для того, чтобы творчески преобразовать и отстаивать те формы жизни, которые обеспечивали бы им и дальнейшую их свободу, их самостоятельность, их возможность создавать действительно трудовое государство и возможность продолжать социальную революцию»<sup>3</sup>.

Эта аналитическая оценка Гендельмана, вне всякого сомнения, заслуживает самого пристального внимания, ибо она, безусловно, вскрывает те черты русского национального характера, благодаря которым он способен на одномоментную мобилизацию воли и протест, но оказывается неспособным к планомерной работе, самоорганизации и солидарности.

Но анализ Гендельмана, именно в силу свое правдивости, "бил не в бровь, а в глаз" большевистскую власть и причину их побед открывал вовсе не там, где они всегда изображали, что, конечно, не могло не вы-

---

<sup>1</sup> Там же. – Л. 79, 80.

<sup>2</sup> Там же. Т. 23. – Л. 183–184.

<sup>3</sup> Там же. Т. 28. – Л. 99.

звать следующей реплики Пятакова: «Это на манер Керенского – о восстании рабов. Чернь, способная ниспровергнуть власть, но не способная строить новую». На это Гендельман ответил: «Это не была, конечно, чернь, но был уже распыленный разочаровавшийся народ в силу гражданской войны и в силу обманчивых лозунгов, которые вы дали... Единственная и главная мысль, которая была у трудовых масс – это, чтобы у них была возможность свободно заняться трудовым хозяйством, не принимая участия в гражданской войне... Вот это состояние масс, состояние усталости и апатии, которое не позволяло передовому крестьянству предвидеть, что нужно его активное и деятельное участие в создании новой жизни, в отстаивании его власти, власти против опасности наступления большевистского фронта, оно не позволяло ему предвидеть, что ему это жизненно необходимо, потому что вслед за вашей властью опять придут реквизиции, террор, разверстка, разброд и полное разорение деревень, не позволяло приволжскому крестьянству предвидеть, что если оно не сможет свергнуть Советской власти, то в истекшем году будет 10 миллионов голодных смертей на Поволжье. Если бы они это предвидели, они боролись активно против вас...

...От политики устали, было достаточно того, что не было большевиков с чрезвычайками, парализующими всякую деятельность, и этим довольствовались. И не понимали, что нужно творчески создавать самим непосредственно свою жизнь, защищать этот новый строй, отстаивать от вас, и тогда можно только действительно прочно строить новый строй, и подвести основу к дальнейшему развитию. ...Каково было наше положение, с чем нам пришлось встретиться? ...С одной стороны – вы, под вашим гнетом вся остальная Россия, наступали на нас с вашими красноармейскими и всякими иностранными частями, – это фронт большевистский; с другой стороны – Колчак.

...Мы могли бы победить только в том случае, если бы этого действенного порыва трудовых масс, которого хватило бы и на то, чтобы закрепить власть, которую они создали, содействовать нам все время и дальше ее укреплять, продолжать работать над упрочением того государственного строя и того хозяйственного порядка и нашей экономической политики, которые старались мы провести»<sup>1</sup>.

Рискнем высказать предположение, что просуществовуй Комуч несколько лет, в том числе и в условиях мирного времени, мы увидели бы совсем иную модель развития общества, чем коммунистическая. Нет сомнений, что эсеры уже шли и продолжили бы идти по тому пути, идя по которому некоторые европейские социалисты в послевоенное время пришли к тому, что называют «шведским социализмом» или «австрийским социализмом». Но в любом случае не следует кратковременную практику Комуча в условиях гражданской войны отождествлять с моделью «эсеровского социализма».



УДК 947.084

О.В. Коновалова

#### **«ЧЕРНОВСКАЯ ГРАМОТА»: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ РАЗНОГЛАСИЙ В ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ\***

*В статье анализируются причины появления «черновской грамоты» – письма инструкции ЦК ПСР, подготовленной по инициативе В.М. Чернова в октябре 1918 г., и послужившей формальным поводом для государственного переворота адмирала Колчака в Сибири. На основе материалов из отечественных и зарубежных архивных коллекций автор анализирует позицию Чернова и рассматривает оценку его деятельности в партии эсеров.*

Создание Директории явилось одним из переломных моментов в истории партии социалистов-революционеров и важной вехой гражданской войны в России. Можно рассматривать Директорию как один из вариантов объединения демократических сил в борьбе против большевистской диктатуры. Вместе с тем, левое крыло партии и партийный центр во главе с В.М. Черновым лишь условно признали Директорию. Критика политики Директории нашла отражение в так называемой «черновской грамоте» – директивном письме-

<sup>1</sup> Там же. – Л. 100–101, 103.

\* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Фулбрайт (США) и Красноярского краевого фонда науки, грант 11F046C.